Отцовская сумка

Мирослав Иванцов

Мирослав

Мирослав Иванцов

Отцовская сумка

«Автор»
2026

Иванцов М.

Отцовская сумка / М. Иванцов — «Автор», 2026 — (Мирослав)

Шестнадцатилетний Мирослав Иванцов получает единственное бюджетное место в элитном лицее, где учатся дети чиновников и бизнесменов. У него нет ни денег, ни связей - только папина старая кожаная сумка, книга в ней и отец, который сейчас на войне и который говорит: «Я не герой. Я просто на своём месте».Этого хватает, чтобы стать мишенью.С первого сентября он «стипендиат» и «неформат». К октябрю в лицее появляется анонимный канал, где мемы, скриншоты и чужие шутки становятся приговором. Чтобы не сойти с ума, Мира заводит собственный блог «Полку» и начинает писать про книги. И про то, что видит. Анонимно.Одно слово, сказанное вслух, изменит всё.Повесть о травле по классовому признаку, о цене «быть не таким» и о гордости, которая одновременно и броня, и слабое место. О том, как молчание делает травлю возможной и как один голос иногда оказывается громче двух тысяч.

© Иванцов М., 2026
© Автор, 2026

Мирослав Иванцов
Отцовская сумка

Глава 1. Список

Август в Саратове - это не месяц, а состояние. Асфальт плавится, Волга цветет, и даже голуби сидят в тени.

Я проснулся в шесть. В комнате было душно, хотя все окна были открыты настежь. Солнце лежало на подоконнике, на столе, на папиной фотографии, которая всегда находилась рядом со мной. Я взял телефон. На экране было два сообщения от мамы. Первое: «Ты проснулся?» Второе: «Позвони, когда узнаешь результаты». Я ответил: «Проснулся. Не забуду».

В квартире была тишина. Любимое папино кресло стояло у окна. На нём лежал плед, который он тоже любил. На стене висела фотография: папа, мама и я, на Волге, летом. Папа был в шортах и в смешной панамке. Он смеялся. Я смотрел на эту фотографию и думал, что это было сто лет назад. Хотя прошло всего два года.

На кухне я налил себе чаю. Не папиного, обычного, из пакетика. Сел у окна. За окном шёл автобус. Люди ехали на работу. Кто-то выгуливал собаку. Кто-то поливал цветы. Жизнь шла своим чередом, и никто не знал, что сегодня я должен изменить свою жизнь.

Я достал телефон и открыл фотографию. Папа стоял в поле, в форме, с автоматом в руках. Он улыбался так, будто позировал для семейного альбома, а не для меня. Подпись: «У нас тут степь. Всё хорошо. Целую. Папа». Я смотрел на него, пока экран не погас. Потом убрал телефон в карман сумки.

Сумка висела на стуле. Старая кожаная планшетка, с потёртым ремнём, который папа зашил сам, потому что «мужик должен уметь». Кожа была тёмная, почти чёрная, с белыми разводами на сгибах. От неё пахло домом и заводом, где папа работал до СВО: немного - табаком, немного - кожей, немного - чаем, который папа любил заваривать. Я проверил карманы. Тетради. Блокнот. «Дон Кихот», которого я ещё не читал. Ручка. И фотография во внутреннем кармане, под клапаном, где её не видно. Я не доставал её при людях. Только когда оставался один.

Я надел лёгкую рубашку, взял сумку и вышел.

На улице было уже жарко. Я шёл пешком, потому что у меня было много времени. Когда ты идешь пешком, лучше думается. Мимо проезжали машины. Я шёл и думал, что через полчаса буду в лицее, где меня, возможно, ждут. Или не ждут.

Я шёл в лицей один. Мама ушла на работу в половине восьмого - в соцзащите с утра было много дел, - и я вечером сказал ей, что дойду сам. Она посмотрела на меня и сказала: «Позвони, когда узнаешь результаты». Я кивнул.

У лицея было много людей: родители с детьми и дети без родителей.

Я достал телефон, чтобы проверить время. На экране было сообщение от мамы: «Ты уже там?» Я написал: «Да». Она: «Ну что? Ты поступил?» Я ещё не знал. Я написал: «Пока не знаю».

На стене у входа висел список. Два списка, если честно. Первый — «Приказ о зачислении на места, финансируемые из бюджета». Второй — «Приказ о зачислении на места с оплатой стоимости обучения». Первый был короче. Второй — длиннее и как-то... дороже, что ли.

Моя фамилия была в первом списке. Внизу. Иванцов Мирослав Олегович. Я нашёл её не сразу. Сначала пробежал глазами по верхним строчкам, потом увидел свою. Она была напечатана тем же шрифтом, что и остальные, но мне показалось, что она меньше.

— Иванцов? — спросила женщина в белой блузке. У неё был планшет и улыбка, которая включалась и выключалась, как свет в подъезде.

— Да.

— Вы на бюджете. Поздравляю. Это большая ответственность.

— Спасибо.

— Не подведите, — сказала она и улыбнулась уже не мне, а кому-то за моей спиной.

Я обернулся. За мной стоял мужчина в костюме и мальчик в белой рубашке. Мальчик смотрел на меня. Не зло. Просто смотрел, как смотрят на человека, который стоит не на своём месте. Мужчина положил ему руку на плечо. Они прошли мимо. От них обоих пахло дорогим парфюмом.

Я поправил ремень сумки и вошёл внутрь.

Внутри было прохладно. Мрамор, высокие потолки, запах свежести и богатства. На стенах висели портреты людей, которые, наверное, были или очень умными, или очень богатыми. Стояла группа подростков. Они смеялись. Девушка в белом платье посмотрела на меня и сказала что- то своим. Я услышал только слово «стипендиат» и понял, что это про меня. Я ещё не знал, что это слово будет преследовать меня весь год.

Они уже знали, кто я. Они уже решили, кто я.

Я прошёл мимо. Девушка подняла глаза. У неё были светлые волосы и улыбка, которая ничего не стоила и всё обещала.

— Это что, винтаж? — спросила она.

Я не сразу понял, что она говорит со мной. Потом понял.

— Сумка? — спросил я.

— Ну да. — Она кивнула на мой ремень. — Папина или барахолке нашел?

Один из парней засмеялся. Высокий, в дорогой футболке, с часами, которые, наверное, стоили больше маминой зарплаты за год. Он смотрел на меня сверху вниз, хотя мы были одного роста.

Я почувствовал, как у меня загорелись уши. Я мог сказать: «Мой отец на СВО». Я мог сказать: «Он защищает твою спокойную жизнь». Я мог сказать многое. Но я не сказал ничего. Не потому, что стыдился. А потому что не хотел, чтобы папа стал щитом. Не хотел, чтобы его имя использовали в споре, как аргумент. Он был моим отцом, а не козырем.

Промолчав, пошёл дальше.

За спиной кто-то сказал: «Неформат». Я не обернулся. Но я запомнил это слово. Оно было короткое, как пощёчина.

Я шёл по коридору и смотрел на двери. На одной было написано «Библиотека». Я остановился. За дверью было тихо. Я подумал, что, может быть, стоит зайти. Но я не зашёл. Я не знал, что там. Я не знал, кто там. Я знал только, что в библиотеке я смогу быть самим собой.

Я пошёл дальше. В конце коридора была лестница. Я поднялся на третий этаж. Там был класс. Я заглянул в дверь. Пусто. Парты стояли ровно. На доске было написано: «Добро пожаловать». Я посмотрел на парты и подумал, что через несколько дней я буду сидеть за одной из них. И что кто-то будет смотреть на меня так, как смотрели на меня на втором этаже. И что мне придётся что-то с этим делать.

Я вышел на улицу. Солнце ударило в глаза. Я сел на ступеньки и достал телефон. Мама прислала сообщение: «Ну что? Ты поступил?» Я написал: «Да. На бюджет». Она ответила: «Горжусь».

Потом написал папе: «Пап, привет. Я поступил». И отправил. Он не ответил сразу. Наверное, был занят. Или не было связи. Я убрал телефон.

Я вспомнил его последний звонок. Связь была плохая. Его голос был далёкий, как будто он говорил из другой комнаты. Он спросил: «Ты чего?» Я сказал: «Ничего. Просто хотел услышать». Он помолчал. Потом сказал: «Я тоже хотел услышать. Не геройствуй. Будь просто самим собой». Я не понял тогда. Теперь понял.

Я достал фотографию. Папа улыбался. Я смотрел на него, пока экран не погас. Потом убрал фотографию во внутренний карман сумки.

Я не знал, что через неделю кто-то сфотографирует меня у этой лестницы. И что эта фотография станет первым постом канала, который якобы будет знать обо мне больше, чем я сам.

Я не знал, что слово «неформат» приклеится ко мне, как ярлык, и что мне придётся учиться жить с ним.

Я не знал, что в этом лицее у меня будет друг, враг, любовь и один уважаемый мною уставший учитель литературы.

Я знал только, что папа далеко. Что мама устала. Что сумка пахнет домом. И что я на своём месте.

Глава 2.

Первое сентября, осень, но жара не спала. Я шёл в лицей. Сумка висела на плече, ремень был отрегулирован, рубашка заправлена. Я говорил себе, что это просто школа. Что все через это проходят. Что я справлюсь.

Я не справился. Ещё не успев войти.

Кабинет триста двенадцать был в конце коридора на третьем этаже. Сначала я прочитал расписание на стене. Оно было напечатано на плотной бумаге и вставлено в рамку.

Я поднялся по лестнице. Около кабинета стояла группа подростков. Они громко смеялись. Я узнал девушку в белом платье. Она держала телефон и что-то показывала остальным. Я прошёл мимо. Она подняла глаза. Я не остановился. Но я почувствовал, что она смотрит мне вслед.

Кабинет триста двенадцать был открыт. Внутри уже сидели человек двадцать. Они разговаривали, смеялись, показывали друг другу телефоны. Я вошёл. Разговоры не прекратились, но стали тише. Я прошёл к последней парте у окна. Она была свободна. Я сел. Пахло мелом и духами.

— Ты новенький? — спросила меня женщина с папкой, заглянув в дверь.

— Да.

— Иванцов?

— Да.

Она ушла. Я посмотрел на класс. Кто-то смотрел на меня. Кто-то нет. Я достал тетрадь и блокнот. На тетради была наклейка с моим именем.

Учитель литературы вошёл через минуту. Он был невысокий, в очках, с бородой, которую он, видимо, отращивал давно и уже не помнил зачем. Он положил на стол стопку тетрадей и сказал:

— Здравствуйте. Меня зовут Даниил Петрович. Я веду у вас литературу и русский язык. Начнём с знакомства. Каждый встаёт, называет себя и говорит одну фразу о себе. Одну. Не больше. Я не хочу слушать ваши резюме.

Класс засмеялся. Первым встал парень с последней парты. Он сказал: «Антон Соколов. Я не люблю, когда мне указывают». Это была не фраза о себе, а предупреждение. Даниил Петрович кивнул, будто записал. Потом встала девушка в белом платье. «Кристина Белова. Я люблю, когда всё красиво». Класс засмеялся. Она села, довольная.

Потом встала другая девушка. Она сидела у окна, и я сначала не рассмотрел её лица. «Вера Колесникова, — сказала она. — Я люблю читать». Это было сказано так тихо, что не все услышали. Даниил Петрович услышал. Он кивнул. Кристина обернулась и посмотрела на Веру. В её взгляде было что-то, что я тогда не понял. Потом понял. Это была ревность.

Остальные говорили что-то про спорт, путешествия, бизнес. Я слушал и думал, что в моей школе никто бы не сказал «я люблю читать» так, будто это признание в любви. У нас бы сказали «я люблю читать» и засмеялись. Или не сказали бы вообще.

Дошла очередь до меня. Я встал. Класс посмотрел на меня.

— Мирослав Иванцов, — сказал я. — Перевёлся из школы номер двенадцать.

— Зачем перевелся? — спросил кто-то с первой парты.

— Потому что поступил сюда, — сказал я.

Пауза. Кто-то хмыкнул. Антон Соколов откинулся на стуле.

— А, стипендиат, — сказал он.

Это было не приветствие. Это был ярлык. Он приклеился сразу, как будто его и ждали. Класс засмеялся. Не все. Некоторые просто улыбнулись. Но и этого было достаточно.

— А сумка чья? — спросил Антон. — Отцовская?

— Да.

— И где он? На заводе?

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня с любопытством. Ему было интересно, что я отвечу. Ему было интересно, можно ли меня задеть.

— Нет, — сказал я.

— А где?

— Это не важно.

— Ну да, — сказал Антон. — Не важно.

Он отвернулся. Я сел. Сердце билось где-то в горле. Я знал, что мог бы сказать правду. Мог бы сказать: «Он на СВО». И увидеть, как изменится его лицо. Может быть, он бы извинился. Может быть, нет. Но я не хотел, чтобы папа стал моим ответом на вопрос «кто ты». Я хотел, чтобы ответом был я сам.

Даниил Петрович не вмешался. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, что я не мог прочитать. Потом он сказал:

— Хорошо. Мирослав, садись. У нас сегодня тема «Герой и время». Откроем тетради.

Я сел. Открыл тетрадь. На первой странице написал: «Герой и время». И ниже, мелко, чтобы никто не увидел: «Герой - это когда ты не сдаёшься». Я не знал, что это станет моим первым постом. Но это была правда.

После уроков я пошел в библиотеку. Я шёл по лестнице, когда из-за угла вышла Кристина. Она улыбалась.

— Ой, — сказала она. — Это же наш стипендиат.

Я остановился.

— Что?

— Ничего. — Она пожала плечами. — Просто интересно. Ты из двенадцатой школы? А там что, все такие... — Она не закончила. Она просто посмотрела на мою сумку.

— Какие? — спросил я.

— Ну... — Она улыбнулась. — Неформатные.

Она сказала это тихо, почти ласково. Именно поэтому было больно.

— Это папина сумка, — сказал я. — Она крепкая.

— Конечно. — Она кивнула. — А папа где?

— В командировке.

— А-а. — Она улыбнулась. — Понятно.

Она достала телефон. Я не знал, что она делает. Может быть, просто смотрит время. Может быть, снимает. Я не стал проверять. Я пошёл дальше.

Я пошёл в библиотеку. Она была на втором этаже, в конце коридора, за дверью с табличкой «Читальный зал». Внутри было тихо и прохладно. Пахло бумагой и пылью. За стой-

кой сидела пожилая женщина и что-то писала. У стеллажей стояла девушка. Я узнал её. Вера Колесникова.

Она держала в руках книгу. Я подошёл ближе. На обложке было написано: «Три товарища». Ремарк.

— Читал? — спросила она, увидев меня.

— Да.

— И как?

Я подумал. В моей школе на такой вопрос ответили бы «нормально». Но здесь, в этой тишине, мне захотелось сказать правду.

— Лучше, чем «Дюна», — сказал я.

Она обернулась. У неё были серые глаза и очень серьёзное лицо. Она улыбнулась. Улыбка была не такая, как у Кристины. Она была настоящая.

— Почему? — спросила она.

— Потому что «Дюна» про то, как стать героем. А «Три товарища» про то, как остаться человеком, когда героем быть не получается.

Она посмотрела на меня внимательно. Потом сказала:

— Я Вера.

— Я Мирослав.

— Красивое имя.

— Я знаю.

Она засмеялась. Тихо, но засмеялась. Я почувствовал, что в груди у меня что-то отпустило. Может быть, это был первый раз за день, когда я почувствовал, что дышу.

Так началась моя вторая жизнь. Первая была в классе триста двенадцать, где я был «стипендиатом». Вторая была в библиотеке, где я был просто Мирой.

Вечером я пришёл домой. Мама была на кухне. Она пила чай и смотрела в окно. Я сел напротив. Она спросила:

— Ну как?

— Нормально.

Она посмотрела на меня. Она знала, что это неправда. Но она не стала давить. Она просто налила мне чаю. Я взял чашку. Она была тёплая. Как сумка. Как дом.

Я не рассказал ей про «стипендиата». Не рассказал про Кристину. Не рассказал про Веру. Я не хотел, чтобы она волновалась. И ещё я не хотел, чтобы она узнала, что я не справился.

В чате класса кто-то скинул ссылку. Канал назывался «Лицей Inside». Аватарка — чёрный квадрат. Описание: «Мы не осуждаем. Мы просто фиксируем». Первый пост был подписан: «Новенький. Сумка. Стипендия. Мы всё видим». Под ним была фотография. Я стоял у лестницы в папиной сумке. Я не знал, кто меня снял. Но я знал, что это только начало.

Я закрыл телефон. Мама за стеной кашлянула. Я подумал: «Ничего. Переживу».

Глава 3. Неформат

К концу первой недели у меня было три прозвища. «Стипендиат» — самое безобидное. «Неформат» — самое точное. И «патриот» — самое злое, потому что его говорили с улыбкой.

Канал «Лицей Inside» набирал подписчиков. Каждый день - новый пост. Кто с кем встречается. Кто у кого был на дне рождения. Кто что сказал учителю. Кто где был летом. Школа, в которой я оказался, была устроена так, что у каждого была витрина. И у каждого была цена. Я не знал своей цены. Но, судя по постам, она была низкой.

Второй пост был про меня. «Стипендиат рассказывает о папе. Наш инсайд». Под ним - мой разговор с Кристиной. Она спросила, откуда у меня сумка. Я сказал, что от папы. Она спросила, где он. Я сказал, что он в командировке. Это была не ложь. Но и не вся правда. Кристина улыбнулась и сказала: «Круто». А потом выложила информацию.

Я не сразу понял, что произошло. Я перечитал переписку. Всё было безобидно. Но рядом с моими словами стояла подпись: «Он не сказал, что папа на СВО. Мы узнали». И смайлик. Один. Тот, который смеётся до слёз.

В классе на следующий день почти все смотрели на меня. Некоторые отводили глаза. Антон Соколов сидел на подоконнике и болтал ногой. Он посмотрел на меня.

— Ну что, патриот? — спросил он. — Как папа?

Я сел за свою парту. У окна. Место, которое никто не хотел занимать. Я достал тетрадь. Руки у меня не дрожали. Я сам удивился.

— Нормально, — сказал я.

— А он что, правда на войне?

— Он в командировке.

— А-а. — Антон кивнул. — В командировке. Понятно.

Он сказал это так, что «понятно» прозвучало как «всё с тобой понятно». Я открыл тетрадь и стал писать. Я писал: «Травля - это когда тебя бьют словами, а ты делаешь вид, что это не больно». Я писал это для себя. Я не знал, что это станет постом.

На перемене я вышел в коридор. Мимо шел Антон с двумя парнями. Когда мы поравнялись, один из них выбил у меня из рук тетрадь. Она упала на пол. Страницы раскрылись. Я наклонился, чтобы поднять. Антон наступил на неё ногой.

— Ой, — сказал он. — Извини.

Он убрал ногу. На странице остался след от ботинка. Грязный. Я поднял тетрадь. Я посмотрел на Антона. Он улыбался. Не зло. Весело. Как будто это была шутка, которую поняли все, кроме меня.

— Ты чего? — спросил он. — Это же просто тетрадь.

Я ничего не сказал. Я пошёл в туалет и стал сушить страницы сушилкой для рук.

Мне было не страшно. Мне было стыдно. Вот это было хуже всего. Стыдно за то, что я стою в туалете и сушу тетрадь. Стыдно за то, что я не дал сдачи. Стыдно за то, что я вообще здесь.

В дверь постучали.

— Мира? — Это был голос Веры. — Ты здесь?

Я не ответил.

— Я видела, — сказала она. — Я всё видела.

Я закрыл глаза. Мне хотелось, чтобы она ушла. И чтобы она осталась. И чтобы она не видела. И чтобы она видела. Всё сразу.

— Уходи, — сказал я.

Она не ушла. Я слышал, как она стоит за дверью. Потом она сказала:

— Я не знала, что сказать. Я и сейчас не знаю. Но я здесь.

Я вышел. Она стояла в коридоре. Она просто стояла.

— Я не буду делать вид, что ничего не происходит, — сказала она.

— А что ты будешь делать?

— Я пока не знаю. Но я что-то придумаю.

Дома я написал папе. «Привет. У меня всё хорошо. Поступил. Учусь. Читаю. Мама передаёт привет. Как ты?» Я отправил и убрал телефон. Через час он ответил. «Мира, привет. У нас тут степь и жара. Всё хорошо. Горжусь тобой. Целую. Папа».

Я лежал в темноте и думал, что соврал. Первый раз. И что ложь - это как трещина в стене. Сначала её не видно. А потом она растёт.

— Ты читал «Полет над гнездом кукушки»?

— Нет.

— А надо. — Он достал из портфеля книгу и положил передо мной.

— Зачем?

— Затем, что там есть человек, который видел мир не так, как все. И он был единственным, кто видел правду.

— И чем он кончил?

— Тем, что его попытались вылечить. — Даниил Петрович снял очки и протёр их. — Это грустная книга. Но она нужна тебе сейчас.

— Почему мне?

— Потому что ты не один. — Он посмотрел на меня. — Я вижу, что происходит. Я не слепой. Но я не могу решить это за тебя. Я могу только предложить тебе место, где тебя не будут травить. По вторникам и четвергам, после уроков, в библиотеке. Мы читаем вслух. Кто хочет — приходит.

— Зачем мне это?

— Затем, что тебе нужно место, где ты можешь быть собой. Не «стипендиатом». Не «неформатом». Собой.

Я пришёл во вторник. В библиотеке было пусто, если не считать Веры. Она сидела у окна и читала. Увидев меня, она улыбнулась. Даниил Петрович сидел за столом и что-то писал. Он поднял глаза.

— А, — сказал он. —Присаживайся.

Я сел. Мы начали читали вслух «Полет над гнездом кукушки». Сначала Даниил Петрович, потом Вера, потом я. Сначала у меня дрожал голос. Но потом я привык.

После чтения Даниил Петрович сказал:

— Травля - это не про жертву. Это про всех, кто молчит.

— А если я не хочу быть жертвой? — спросил я.

— Тогда не будь. Но и не будь один.

Я посмотрел на Веру. Она смотрела на меня. В её глазах было что-то, что я не мог назвать. Может быть, надежда. Может быть, страх. Может быть, и то и другое.

— Я не буду один, — сказал я.

Это было первое обещание, которое я дал себе сам.

На следующий день я пришёл в библиотеку пораньше. Вера уже была там. Она сидела у окна и читала. Я сел напротив. Она закрыла книгу.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Я обещал.

— Я знаю.

Мы молчали. В библиотеке было тихо. Пахло бумагой и пылью. И я подумал, что вот оно — место, где я могу быть собой. Не «стипендиатом». Не «неформатом». Собой.

— Вера, — сказал я.

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты не ушла.

Она посмотрела на меня. Потом улыбнулась. Улыбка была не такая, как у Кристины. Она была настоящая.

— Я не ушла, — сказала она. — И не уйду.

Я открыл «Полет над гнездом кукушки» и начал читать.

Глава 4. Каналы

К концу сентября у канала «Лицей Inside» было две тысячи подписчиков. В лицее училось восемьсот человек, выходило, что канал читают не только свои.

Посты появлялись по расписанию: в восемь утра, чтобы все успели прочитать до первого урока, и в семь вечера.

Третий пост про меня был без фотографии. Просто текст: «В лицее есть человек, который читает книги на переменах. Мы не против. Просто интересно: он думает, что это кого-то впечатляет?»

Восемь лайков. Двадцать четыре комментария. Я прочитал все.

Самый безобидный: «пусть читает». Самый честный: «смешно». Самый точный: «он хотя бы не притворяется».

Последний был без имени и без фотографии. Я смотрел на него дольше, чем на остальные. Мне очень хотелось узнать, кто это написал. Чтобы поблагодарить.

На большой перемене ко мне подошла Кристина. Она всегда подходила так, будто делала одолжение: сначала останавливалась в двух шагах, потом улыбалась, и только потом говорила.

— Ты читал канал? — спросила она.

— Читал.

— И как тебе?

— Познавательно. Теперь я знаю, кто с кем встречается.

Она засмеялась так, будто я пошутил, а не сказал правду.

— Люди уходят в анонимность, когда им не хватает внимания, — сказала она. — Это медицинский факт.

— Или когда им не хватает покоя.

Кристина посмотрела на меня внимательно. Впервые за месяц, без улыбки.

— Ты странный, Иванцов.

— Спасибо. Я стараюсь.

Она ушла. Я стоял в коридоре и понимал: она не спрашивала. Она проверяла.

Дома я достал мамин ноутбук. Тяжёлый, старый, с облезшей клавишей «э». Он включался минуту и гудел, как холодильник. Я поставил его на стол, сел и создал новый канал.

Название придумалось сразу. «Полка».

Не «Книги, которые стоит прочитать». Не «Что читать в шестнадцать». Просто «Полка». Потому что полка - это не про литературу. Это про место, куда ты ставишь то, что не хочешь выбрасывать.

Первый пост я писал сорок минут, а вышел он коротким.

Мне шестнадцать. Я учусь там, где всё измеряется: оценками, марками машин, тем, кто кого подвозит домой.

Я читаю книги. Не потому, что это красиво. Просто в книгах кто-то уже был там, где я сейчас, и оставил мне записку на полях.

Первый пост про «Полет над гнездом кукушки». Не потому, что это книга о свободе. Потому что это книга о том, что тебя называют больным, когда ты просто не хочешь играть по правилам.

Имён здесь не будет. Будет про книги. И иногда про другое.

Я нажал «опубликовать» и закрыл ноутбук. Потом открыл снова. Ноль подписчиков. Ноль просмотров. Я знал, что так будет. Я всё равно расстроился.

Утром их было четыре.

Один ник - «Ночная сова». Аватарка - чёрный квадрат. Я долго смотрел на этот квадрат. У канала, который меня травит, аватарка тоже была чёрным квадратом. Только они писали: «Мы всё видим». А эта сова молчала.

Днём на литературе мы писали сочинение по «Преступлению и наказанию». Даниил Петрович ходил между рядами и в тетради не смотрел. Он смотрел на нас.

Вечером я выложил второй пост.

Все думают, что это роман про убийство. Мне кажется, это роман про комнату. У героя нет места - ни в комнате, ни в городе, ни в мире. И тогда он придумывает себе право. Человеку без места очень хочется доказать, что он имеет право хоть на что-нибудь.

Место - это не квадратные метры. Это когда ты заходишь куда-то и тебе не надо объяснять, зачем ты пришёл.

Через десять минут появился комментарий. «Ночная сова»: «Ты пишешь, как говоришь. Коротко и мимо».

Я уставился в экран.

«Мимо чего?» — написал я.

Ответ пришёл сразу, будто она ждала. «Мимо всех. Это редкость».

Я не стал спрашивать, кто она. Мне было проще думать, что «сова» - это кто-то из другой школы, из другого города, из другой жизни. Кто-то, кто никогда не зайдёт в наш коридор.

На следующий день «Полку» читали в классе.

Это было странно: я сидел за своей партой у окна, а рядом, в двух метрах, кто-то вслух разбирал мои слова. Девочка с первой парты сказала:

— Вы видели этот новый канал? «Полка». Пишет, что место - это когда не надо объяснять, зачем пришёл.

— Слишком умно, — сказал Антон, не поднимая головы от телефона. — Значит, девочка.

— Почему девочка?

— Потому что мальчик так не напишет. Мальчик напишет: «я крутой» или «все козлы». А это... — он повёл рукой в воздухе, подбирая слово, — это как открытка.

Кристина слушала молча. Потом сказала, ни к кому особенно не обращаясь:

— Это не девочка. Это мальчик. И он из нашего класса.

В классе стало тихо. Я смотрел в тетрадь и очень аккуратно выводил буквы.

— Почему ты так думаешь? — спросила девочка с первой парты.

— Потому что он пишет про то, что видит отсюда, — сказала Кристина. — А отсюда видно только нашу крышу.

Я поднял глаза. Кристина смотрела на меня. Не обвиняюще. С интересом. Так смотрят на замок, к которому ещё не подобрали ключ.

— Иванцов, — сказал Антон, — это не ты, случайно?

— Нет, — сказал я.

— А если я проверю?

— Проверь.

Я сам не понял, откуда взялось это «проверь». Внутри было тихо и очень холодно, как бывает перед тем, как выйдешь на улицу без куртки и поймёшь, что уже поздно возвращаться.

Звонок спас меня быстрее, чем я успел испугаться.

Вечером я достал из сумки папину фотографию. Она лежала во внутреннем кармане, рядом с молнией, и всегда была чуть тёплой, если сумка стояла у батареи.

Я долго думал, написать ли про него в «Полке». Про сумку. Про чай. Про то, как он говорит: «Чай, если честно, так себе. Но я пью».

И понял, что не напишу.

Про папу нельзя писать анонимно. Если я пишу про него без имени, я как будто оставляю его где-то в коридоре одного. А если с именем — это уже не блог. Это я.

Я убрал фотографию обратно и застегнул молнию. Пусть лежит.

В четверг в библиотеке нас было трое. Даниил Петрович читал медленно, с паузами, будто оставлял место для воздуха. Вера читала тихо, но не сбивалась. Я читал хуже всех и знал это.

Книга лежала посередине стола. Мы двигали её друг другу, как двигают тарелку в доме, где не принято просить.

Я отдавал Вере книгу, и наши руки на секунду встретились над страницей. Её рука была холодной, она пришла с улицы, где уже пахло октябрём.

Мы оба сделали вид, что ничего не заметили. И оба не убрали руки сразу.

Я подумал: вот оно. Не счастье вообще, а конкретное счастье: четверг, четыре сорок, библиотека, пыль в жёлтом свете, и человек напротив, которому не надо объяснять, зачем ты пришёл.

В тетради Веры, открытой на соседней странице, я увидел пометку на полях. Два слова, написанные мелко, почти в столбик: «право на место».

Я ничего не сказал. Только перестал дышать на секунду.

Кристина сидела за дальним столом с двумя девочками из нашего класса. Они не читали. Они листали телефоны и тихо смеялись, и библиотекарша дважды на них шикнула.

Щелчка я не услышал. Я услышал, как Вера вздохнула и закрыла книгу.

— Она снимала, — сказала Вера.

— Кто?

— Не оборачивайся. Кристина.

Я обернулся.

Кристина улыбнулась и помахала телефоном.

— Не обращайте внимания, — сказала она. — Продолжайте. Вы так мило читаете.

Вечером в семь часов вышел пост.

Библиотека. Тишина. Читают вслух. Мило.

Под текстом фотография. На ней были две пары рук над раскрытой книгой и половина Вериного лица: висок, ресницы, край уха.

Комментарии появились быстрее, чем я успел прочитать предыдущие.

«Это кто?»

«Это же Колесникова??»

«Ребята, вы чего. Она просто книжку читает».

И один ответ от аккаунта, у которого не было ни имени, ни фотографии — только описание в профиле: «Мы не осуждаем. Мы просто фиксируем».

Я просто зафиксировала.

Вера написала мне в тот же вечер. Не про канал. Про книгу.

«Ты видел?»

«Видел».

«Меня там видно».

«Видно».

Она долго не отвечала. Я сидел с телефоном в руках и смотрел на три точки, которые появлялись и исчезали.

«Я не боюсь, — написала она наконец. — Я просто не хочу, чтобы это было так. Как будто это стыдно. Как будто читать вслух с кем-то - это то, за что надо оправдываться».

Я написал: «Это не стыдно».

Она ответила: «Тогда почему я весь вечер думаю, как объясню это папе?»

Я не нашёл, что написать. У меня не было папы, которому надо объяснять такие вещи. У меня был папа, которому надо было писать, что у меня всё хорошо.

— Ты чего улыбаешься? — спросила мама из кухни.

— Ничего. Просто четверг.

Она посмотрела на меня через плечо, но ничего не сказала. Просто налила мне чая.

Ночью я открыл «Полку» и написал третий пост.

Сегодня в библиотеке два человека читали книгу вслух. Не для публики. Просто потому, что им так хотелось.

Кто-то сфотографировал их руки. Теперь эта фотография висит в другом канале, и там над ней смеются.

Я не напишу имён. Я напишу другое. Если тебе кажется, что счастье - это когда тебя никто не видит, тебе не кажется. Просто счастья в таких местах мало, и оно пугливое. Его легко спугнуть одним щелчком.

Поэтому я скажу вслух: я видел. Это было хорошее. И никто меня не переубедит.

Я отправил пост и сидел, глядя в тёмное окно. За окном был двор, в котором горел один фонарь, и в этом свете падал мелкий дождь.

Через двадцать минут пришёл комментарий от «Ночной совы».

Я не против, чтобы меня видели. Просто не так.

Я написал: «Тогда в четверг. В библиотеке. Там видят только те, кто читает».

Она ответила: «В четверг я приду».

Я закрыл ноутбук и лёг. Сердце стучало так громко, что я слышал его через подушку.

За стеной мама тихо разговаривала по телефону с кем-то из соцзащиты, я слышал слова «документы», «сроки», «успеем».

Я подумал, что счастье и страх приходят в один вечер, и никто не предупреждает, где кончается одно и начинается другое.

Глава 5. Даниил Петрович

Я остался после урока отнести тетради. Даниил Петрович всегда просил именно меня. Так он давал мне повод задержаться в кабинете, где никто не смеялся.

Тетради лежали стопкой на его столе. Я положил свою сверху и увидел папку.

Она была серая, картонная, с завязками. На корешке шариковой ручкой: «2021–2022».

Я не собирался смотреть. Но завязки были развязаны, а верхний лист лежал криво, и я машинально поправил его.

Это был скриншот.

Я узнал вёрстку канала раньше, чем прочитал слова. Тот же чёрный квадрат, тот же шрифт.

Я перевернул лист. Под ним был второй. Третий. Пятый. Посты за прошлый год, за позапрошлый, распечатанные на принтере и подчёркнутые карандашом. Рядом имена, даты, номера классов, от руки. «9Б, март». «11А, сентябрь». «Родитель звонил 14.03».

И среди них мой.

Тот самый пост: «Новенький. Сумка. Стипендия. Мы всё видим». С фотографией, где я иду по лестнице и держу папину сумку обеими руками, как держат что-то, что может выпасть.

— Положи на место.

Я не слышал, как он вошёл. Даниил Петрович стоял в дверях с чайником в руке. Он не кричал. Он просто сказал это тихо, и от тихого голоса мне стало хуже, чем от крика.

— Извините.

— Не извиняйся. — Он поставил чайник, подошёл и сел на своё место. — Ты всё равно уже увидел. Сядь.

Я сел.

— Это диссертация, — сказал он. — Тема: травля в школе. Я шесть лет собираю то, что происходит в коридорах и нигде не записывается.

— Зачем?

— Затем, что если это не записано, этого не было. — Он снял очки и положил их на папку. — Знаешь, что самое страшное в травле? Не то, что тебя бьют. А то, что через год никто, включая тебя, не сможет доказать, что это было. Тебе скажут: «Тебе показалось». И ты сам себе скажешь: «Показалось».

Я смотрел на свои руки.

— А вы показывали её директору?

— Трижды.

— И?

— Первый раз мне сказали, что я молодой специалист и не понимаю специфики. Второй, что я создаю панику. Третий, что это «не наша компетенция, потому что это происходит в интернете».

— А это не в интернете.

— Вот именно, — сказал он. — Вот именно.

Я смотрел на папку и думал, что человек шесть лет распечатывает чужие слова на принтере в кабинете литературы. И никто, кроме него, этого не делает. И это почему-то было самое обидное из всего, что я знал про лицей.

— Мне от тебя нужно заявление.

— Какое заявление?

— Обычное. Лист бумаги. Дата. Что происходит. Твоя подпись. Или подпись мамы. — Он смотрел мне в глаза. — Пока его нет, я ничего сделать не могу.

Я молчал.

— Ты не хочешь, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что это жалоба.

— Это не жалоба, — сказал Даниил Петрович. — Жалоба - это когда ты хочешь, чтобы кого-то наказали.

Он подождал. Я не ответил.

— Ладно, — сказал он. — Я не буду тебя заставлять. Я только скажу тебе одну вещь, и ты можешь потом её забыть. Мальчик, который молчит из гордости, выглядит смелым ровно до того дня, когда перестаёт выходить из дома.

— Я не мальчик.

— Прости. — Он кивнул. — Мужчина, который молчит из гордости, выглядит смелым ровно до того дня, когда перестаёт выходить из дома.

Я взял тетради и вышел. В коридоре я остановился у окна и долго смотрел на крышу соседнего дома, которую было видно из кабинета и отсюда.

Я не понёс заявление. Я вообще ничего не сделал.

Через два дня канал написал про учителя.

В лицее есть человек, который собирает на учеников папку. Мы не против. Просто интересно, зачем.

Под постом фотография. Даниил Петрович в коридоре, снятый со спины, с серой папкой под мышкой. Он шёл, чуть наклонив голову, и по этой спине было видно, что он устал.

Комментарии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.